

Саяма очутился на травянистой равнине.

У него не было тела. В пространстве блуждал лишь взор.

Парень осмотрелся невесомым взглядом и смог увидеть равнину, окружённую кедровой рощей. Над его головой раскинулось бескрайнее небо, а позади леса выступала горная гряда. Юноша присмотрелся к перистым облакам, плывущим в синеве, и стал размышлять.

... Это что, сон?

А что же тогда? Лишь его мысли существовали в некоем подобии иной реальности.

Пейзаж извлечён из памяти или сшит из обрывков прошлого? Саяма не мог ответить. Однако решил: это не сон. Ветер, небо и лес сильно шумели. Парень ощущал движение и беспорядочность, присущие лишь чему-то настоящему.

Сам факт, что он мог ощущать ветер, говорил — чувства никуда не исчезли.

... В таком случае, могу ли я говорить?

— ———.

Голос пропал. Но юноша мог двигаться. Вместо ходьбы создавалось ощущение, что тело наклоняется вперёд. Оно по-прежнему не существовало, но взор перемещался.

Затем он услышал звук справа.

— ?..

С безмолвным вопросом Саяма развернулся в направлении звука. Он обнаружил человека, выходящего из леса вдалеке. Его возраст, казалось, был где-то между средним и пожилым. Человек имел седеющие волосы, худое лицо и сухощавое тело. Он носил тяжелый коричневый плащ, предназначенный для альпинизма. Такой кожаный плащ с меховой подкладкой, по догадкам парня, немало стоил.

Человек бежал с перекинутой через правое плечо котомкой, качавшейся туда-сюда.

Он двигался к месту, где находился Саяма, и, судя по всему, что-то преследовал.

Он приоткрыл рот и выдохнул белый пар.

Саяма услышал его слова:

— Она... Она и вправду тут!

Судя по звуку голоса человека, его горло сковала сухость.

Мужчина упал на колени, затем поднялся, несколько раз роняя котомку с плеча на бегу. Когда пар от дыхания усилился, он снова рухнул на колени, окончательно отбросив мешок.

Один раз мужчина даже упал вперед, поддерживая себя правой рукой.

Он поднимался. И опять начинал бежать. Он вновь бежал и бежал. Человек продолжал двигаться по прямой в сторону Саямы.

Мужчина приблизился к Саяме так близко, что тот мог дотянуться до него рукой. Тогда же парень заметил две вещи.

Во-первых, одежда человека выглядела устаревшей.

Во-вторых, у мужчины отсутствовала левая рука.

Его кожаный плащ и штаны были скроены весьма грубо. Не обнаружилось и значков, что обычно наносят на альпинистское снаряжение. Саяма пригляделся к горным сапогам, шагающим по траве.

Военные сапоги?

Их сшили из настоящей кожи, и они выглядели как антиквариат. Когда мужчина бежал в них, покачивая телом, стало очевидно: левый рукав плаща пустовал. Широкий кожаный плащ хорошо сохранял форму, поэтому до сего момента Саяма не обратил на это внимание.

Парень инстинктивно отступил назад от человека, бегущего на него.

Саяма не знал, кто этот мужчина, но он показался ему знакомым.

... Кто же он?

В какой-то момент мужчина завел механизм в правой руке. Он походил на черные карманные часы с несколькими длинными и короткими стрелками.

И тогда Саяма взглянул человеку в лицо. Его тонкое лицо покрывала щетина, и он отрывисто и неглубоко дышал. Однако...

... Он улыбается? Нет, это не улыбка. Это радость.

Это выражение лица того, чье желание только что исполнилось, или того, кто чего-то достиг.

... Мне сложно даже представить, что вызовет у меня такое же выражение.

Едва Саяма об этом подумал, мужчина пронесся мимо него.

Пребывая лишь в форме видения, Саяма вздохнул. Он больше не мог наблюдать выражение лица мужчины. Тот пробежал мимо него, и если повернуться, он сможет видеть только спину.

Но несмотря на это, Саяма все равно развернулся. Ему хотелось разузнать, что же увидел человек.

... Но в той стороне должен быть только лес.

Делая шаг назад, Саяма повернулся.

И узрел гигантскую тень.

— ?!

Там возвышалась башня.

Громадная башня заполняла собой почти весь его обзор. Она начиналась с травянистой равнины и тянулась вверх до самых небес.

Белые облака скопились на ветру за голубовато-черным очертанием. Он посмотрел выше, но не смог рассмотреть ее вершину с того места, где стоял. Поскольку она тянулась вертикально, он не мог увидеть самый верх. Единственное, что он мог сказать — башню будто соорудили из коллекции прямоугольников.

Что это такое?— пробормотал Саяма у себя в голове. Ее раньше здесь не было.

Но едва он задумался почему, к нему пришел ответ. Та невидимая стена в лесу Окутамы. Концептуальное Пространство. Его видение, должно быть, переместилось на другую сторону одной из таких стен.

Он опустил взгляд и обнаружил мужчину, стоящего совсем неподалеку. Спина мужчины находилась всего в десяти шагах. При взгляде на башню его горячее дыхание вырвалось в виде белого пара на ветру.

Саяма услышал, как мужчина заговорил.

— Значит, она и вправду была тут...

Он выдохнул, вдохнул, а затем упал на колени.

Его тело завалилось на землю, но мужчина по-прежнему неотрывно смотрел вверх.

— Бабель... Реликвия, знаменующая начало Концептуальной Войны!! — произнес он.

Его слова как будто врезали в сознание Саямы, выбив его прочь.



Саяма подпрыгнул.

—!

Он теперь наблюдал сцену, отличную от того сна: верхнюю койку двухъярусной кровати, одеяло, маленькую комнату, низкий потолок, лампу дневного света, торчащую вниз, и солнце, простирающееся через окно за спиной.

Здесь не было ветра. Оставался только пот, выступающий на его теле.

— Это...

Он, наконец, понял, что оказался в своей комнате.

— Что за жалкое пробуждение, — вздохнул Саяма, качая головой. Он осознал, что вновь обрел свое тело. Ощущение пота определенно принадлежало ему.

И его левая рука болела. Боль словно пульсировала в глубине тела.

Саяма слегка скривился и убедился окончательно, что не спит.

Он склонил голову вниз, и оттуда что-то свалилось.

— ?..

На его одеяле шевелилось нечто маленькое. Оно было серого цвета и лежало, распластав конечности.

Саяма приподнял его правой рукой и поднес к лицу. То оказался Баку. Он покорно сохранял неподвижность, пока парень держал его спину между пальцами. Едва Саяма заметил белый мех, вздымающийся на его животике, как вспомнил разговор прошлой ночью.

—Ты можешь показывать людям прошлое в виде снов.

В таком случае...

— Этот сон был чем-то...что действительно произошло?

Баку только склонил голову на бок. Осознав, что зверек, скорее всего, не понимает, о чем речь, Саяма горько улыбнулся самому факту разговора с животным. Однако...

... Та башня имеет какое-то отношение к иному Гиру?

— Он назвал ее Бабель.

Парень решил разузнать обо всем сегодня днем. Ооширо сказал, что будет ждать Саяму у Императорского Дворца. Правда он не знал, что случится там. Но пока...

— Сначала у меня есть дела в школьном совете вместе с Изумо и Казами, — пробормотал он.

Затем он задумался, знает ли Изумо про UCAT.



Синдзё сидела на фоне проносящегося мимо неё пейзажа.

Девушка находилась внутри поезда. Она носила оранжевую рубашку, белые штаны и сидела у края кресла с небольшой сумкой на коленях. Ооширо Казуо, одетый в коричневый костюм, сидел рядом с ней.

Они ехали вдвоем на специальном экспрессе от Оуме до Токио. Старик и девушка только что

покинули Татикаву на западе столицы, но огромное количество пассажиров село на поезд там. Перед Синдзё образовалась шеренга людей.

Она заговорила, обняв сумку на коленях:

— Только подумать, Ооширо-сан, тут так много людей... Почему тут так много людей?

— Это вопрос эроса. Ха-ха-ха... Все потому, что японцы очень трудолюбивый народ.

—...Трудолюбивый в чем?

Когда Синдзё нахмурилась, Ооширо горько улыбнулся. Его глаза прищурились под очками.

— К слову сказать, почему ты сегодня решила впервые отправиться в город? Мне казалось, принцесса USAT слишком скованна, чтобы просить отправиться вместе для подготовки.

— Ну... — Синдзё слегка обхватила собственное тело, словно пытаясь спрятать грудь. Однако ее брови немного приподнялись. — Саяма-кун об этом не знает...так что ничего страшного. И остальные подойдут позже, так ведь? Я не могу не прийти одна.

— Ты никак не можешь выкинуть его из головы?

Синдзё замерла, когда ее спросили.

Поезд дернулся. Девушка дернулась вместе с ним, но Ооширо не отреагировал.

Они прибыли на Станцию Кокубундзи. Синдзё обнаружила себя прислонённой к Ооширо, пока поезд останавливался. Как только двери открылись, девушка слегка наклонила голову в сторону старика и выпрямилась. Она увидела, как в поезд садилось даже больше людей.

Как только толпа перед ней стала еще плотнее, Синдзё издала любопытный возглас. Она перевела дыхание, оглянулась и обнаружила, что Ооширо пристально на нее смотрит.

Он ожидал ответа. Осознав это, Синдзё опустила плечи и сжалась на краю сиденья.

— Да...так и есть, — тихо признала она. Подтвердив это, ей следовало объяснить причину. — После всего я поняла, что так и не поблагодарила его вчера. ...И только когда он ушел, я разувнала, что одежду, часы и ручки оставил ему его дедушка.

— Он думает о своих родственниках, как о чужаках... Стоит ли так переживать?

Синдзё повернулась к Ооширо с шокированным видом.

То же самое сказал Саяма, разговаривая с ней прошлой ночью.

— Я н-никогда никому об этом не рассказывала. Не хотите же Вы сказать...

Синдзё провела рукой по спине и волосам.

Однако ничего не обнаружила.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал, откуда об этом знаю? — произнес Ооширо.

— Д-да.

— Понимаю. Как честно с твоей стороны... Но я никогда тебе не ск... эй, стой. А ну-ка отпусти.

— Заткнитесь. Какую бы высокую должность Вы не занимали, это вмешательство в личную жизнь.

Затянув галстук Ооширо со всей силы, Синдзё выпустила его из рук.

— Прошлая ночь сильно на меня повлияла, — сказала она.

— Из-за того случая, когда ты взвешивала жизнь Микото-куна и жизнь врага и не могла выбрать между ними?

— Да. Говорить, что это просто мой первый раз на поле боя — не более чем оправдание. Если б не этот снайперский выстрел, кто знает, что бы случилось.

— Ты неправильно об этом судишь. Как раз потому, что этот снайперский выстрел произошёл, мы и не знаем, что бы случилось.

Синдзё бегло оглянулась, а затем снова поникла головой.

— Вы правы, — пробормотала она, когда Ооширо отвел от нее взгляд.

— Вот незадача, — произнес он, глядя вперед. — Твой товарищ сказал, что они выстрелили, потому что посчитали ситуацию опасной. Ты не можешь довериться своим товарищам?

— Я доверяю им. Но...я могла видеть испуг во вражеских глазах, когда он меня увидел. И я видела ранение левой руки Саямы-куна.

— Выходит, хоть ты и твой товарищ смотрели на одно и то же, каждый из вас видел что-то свое. ...Когда ты успела перевести разговор на что-то, похожее на концепты? — прокомментировал Ооширо. Он положил руку на голову Синдзё и погладил ее. — В таком случае, как насчет того, чтобы делать то малое, что на что способен? Даруя цветы мертвым и подаяние живым, можно искупить свои грехи... или как там говорят.

— Тэс. Но я и сама планирую возложить цветы после вскрытия. То же и с отрядом наступления.

— Понятно. Остается подаяние живым. Ты же понимаешь, ты не тот человек, который удовлетворится простой благодарностью Микото-куну, не так ли?

— Да. ...Но что мне тогда делать? Из-за ранения Саяма-кун практически не может пользоваться левой рукой.

— Тогда, ты можешь стать заменой его левой руке.

— Э? — Синдзё повернулась к Ооширо и отчаянно замахала руками. — Я-я не могу. Мне так придётся все время быть рядом с ним.

— Я знаю хороший способ, как это провернуть. Может быть, малость хлопотно, но тебе, Синдзё Садаме-кун, не придется идти.

На лице девушки отразилось понимание, когда она осознала, что мужчина хотел сказать.

Ооширо убедительно кивнул в ответ и поднял большой палец правой руки.

— Ну, множество людей придут сегодня: твои товарищи, он, и связь с прошлым. ...Ты можешь определиться там.

Следом за его словами в поезде прозвучало объявление. Они приближались к Станции Митака.

От прибытия на станцию Токио на этом спецэкспрессе их отделяло всего семь остановок. По вагону разнесся звук тормозов и поезд покачнулся.

Однако Синдзё больше не качало вместе с ним.





Саяма съел завтрак в здании кафетерия и направился в Библиотеку Кинугасы. Он прошел по аллее, повернул у общего здания третьего года обучения и добрался до задней части корпуса второгодок.

Парень оделся в школьную форму, но левый рукав рубашки оставил расстёгнутым.

Рука по-прежнему была перевязана. Он снял бинты, когда принимал ванную утром, но все равно провел по ране большой белой бумагой, похожей на повязку. Рука болела, но на бумагу не просочилась ни одна капля крови. Он полагал, что на рану нанесли сильное кровоостанавливающее средство.

Обходя общеобразовательный корпус 2-го года обучения, Саяма вдруг припомнил, что проходил здесь всего день назад. Парень посмотрел на отдаленную аварийную лестницу, где он разговаривал с Ооки.

...Всего за один день случилось множество странных вещей.

Когда Саяма вернулся в школу прошлой ночью, было уже за одиннадцать.

Он припоминал разговор с Тамией Кодзи, когда тот высадил его у главных ворот.

Тамия поклонился ему и сказал:

— Если возможно, посетите нас в ближайшее время. Мой отец, мать и сестра будут весьма рады.

— Мне казалось, я создавал слишком много шума ночь за ночью с этими послетестовыми вечеринками.

— Мой отец сказал, что Вы можете проводить вечеринки каждую ночь, если пожелаете. К тому же, хотя Вы и живете сейчас отдельно, но и у Вас и у Юме-сама по-прежнему есть комнаты в резиденции Тамия.

— Не говори так, — предупредил Саяма.

Клан Тамия контролировал всю темную сторону Акигавы, но они всегда защищали семью Саямы, потому что находились в большом долгу у его деда. Он не знал, что именно тот совершил, но они защищали и его деда, и его отца, и его самого. Он оставался с ними до средней школы.

Отношения походили скорее не на семейные, а на отношения между начальником и подчиненным.

Каждый член клана Тамия доверял Саяме так же, как его деду.

Это не доставляло неудобств. Однако...

— Смогу ли я когда-нибудь отплатить им? — пробормотал Саяма, двигаясь дальше.

Он посмотрел на часы на левой руке.

Стрелки черных часов, полученных в UCAT, показывали 8:32. Время встречи назначили ровно в девять, но он подозревал, что Изумо и Казами уже там. Эта парочка всегда была вместе.

— Они даже дошли до абсурда, поселившись в одной комнате общежития.

Саяма горько усмехнулся. Он не знал всех деталей, но слышал, что это вызвало большой переполох. Неудивительно, что действия наследника ИАИ окажутся у всех на слуху.

— Изумо на самом деле 20, так как он жил за рубежом, и родители Казами согласились. Благодаря этому, им удалось кое-как отделаться.

Он познакомился с ними во время выборов в школьный совет, но слышал сплетни о парочке и раньше.

Ты никогда не знаешь, что произойдет в таких отношениях, думал Саяма, углубляя свою горькую улыбку.

От шеренги деревьев позади школьного корпуса слышалось птичье чириканье. Птенец где-то просил еду. Прислушиваясь к нему, Саяма вошел в школьный корпус через черный ход.

Он продолжал двигаться в сторону Библиотеки Кинугасы, что находилась на восточном краю первого этажа. Пройдя сквозь тусклый центральный холл, он заметил две фигуры, шедшие от центрального входа.

Одна из них - девушка, а вторая — кот.

Девушка с серыми волосами и фиолетовыми глазами была одета в клубный пиджак. Кот у ее ног был черным.

Саяма уже однажды ее видел.

... В марте у нас состоялась встреча между школьным советом и будущими лидерами разных клубов. Она из клуба изобразительного искусства.

Ее звали Брюнхильд Шильд.

Ее одежда, прическа и отсутствующее выражение совпадали с теми, что он видел на той встрече.

Только глаза и двигались на этом невозмутимом лице.

Саяма осознал, что она смотрит на его левую руку.

Они прошли мимо друг друга. Едва она беззвучно отдалилась, Саяма одарил ее прощальным взглядом.

... Выглядит так, словно она оценивает серьёзность моего ранения.

Несмотря на то, что девушка видела его бинты и перевязь, она не проявила ни капли любопытства, удивления или страха. У нее был взгляд того, кто видел подобное множество раз. Сохранив ее взгляд в своей памяти, Саяма подошел ко входу в библиотеку.



Брюнхильд вошла в комнату изобразительного искусства и закрыла за собой дверь.

Когда все наружные звуки исчезли, она вздохнула. Затем глянула на окно, чтобы удостовериться, что шторы также задвинуты.

Ее взгляд скользнул по черному коту у ног, и она щелкнула пальцами с голубым камушком, зажатым в правой руке.

Вслед прозвучавшему чистому звуку, Брюнхильд задала коту вопрос.

— Где ты пропадал в своей кошачьей форме вчера ночью?

— Отправился на небольшую встречу. Даже у народа из мирной фракции 1-го Гира есть немало животных, вроде меня. Я обменялся с ними кое-какими сведениями.

— Узнал что-нибудь?

Кот кивнул.

— Ооширо Казуо из Японского UCAT планирует посетить сегодня Императорский Дворец.

Затем завтра мирная фракция проведет предварительные переговоры с Путем Левиафана. Похоже, они не уделяют этому особого внимания.

—...Этот Ооширо что, идиот? От такой спешки фракция Королевского Дворца запаникует и начнет действовать. Мирная фракция уже отвергала их столько раз.

— Да. Все говорили, что фракция Королевского Дворца вконец обезумела. ...Я слышал, они очень плохо сплочены. Похоже, "ястребы" нацелились на Ооширо Казуо, но если это не удастся, "голуби" планируют сдаться.

— У них... нет Концептуального Ядра. Однако у Преподобного Хагена, нашего лидера, есть.

— Для них это будет непросто. Когда 1-й Гир подвергся разрушению, ворота открылись в королевском дворце и в городе. Дворцовые ворота вели прямо к УСАТ, и дворяне, обладающие технологией Концептуального Пространства, бежали через них, став в последствии фракцией Королевского Дворца. Но у них не было Концептуального Ядра. Ядро 1-го Гири разделили на две части, но они не получили ни одной.

— Да. Король разделил его из соображений безопасности. Часть, содержащую концепт письма, использовали для боевого концептуального реактора механического дракона Преподобного Хагена, Фафнира Возрожденного. — Брюнхильд опустила взгляд. — Вторая часть, содержащая концепт конструкции мира, была похищена из концептуального помещения под королевским дворцом. Похищена тем человеком из Лоу-Гири, кто взял священный меч Грам, созданный доктором Регином. ...Выглядело так, словно Доктор Регин слился с Фафниром для защиты Концептуального Ядра. Он впитал Концептуальное Ядро в реактор.

— Я слышал об этом, — произнес черный кот. — В том помещении под королевским дворцом, о котором ты упоминала, произошло сражение, да? Король, принцесса, Фафнир и тот человек из Лоу-Гири находились там. К тому времени, как прочая дворцовая знать прибыла, все уже завершилось, и мир начал рушиться. Когда они увидели мертвого Фафнира и короля, а рядом раненную принцессу, то решили, что мужчина из Лоу-Гири сбежал, переместив Концептуальное Ядро из реактора Фафнира в священный меч Грам.

— Да. Согласно Фасольту и прочим, кто сейчас в мирной фракции, даже продолжая истекать кровью, Леди Гутрун сообщила им, что мир вскоре будет уничтожен. И Леди Гутрун даже успела воззвать из Королевского Дворца в город. Она сказала, что мы потерпели поражение и должны поспешить в Лоу-Гир через двое врат.

Брюнхильд вздохнула и провела рукой по волосам.

Она приблизилась к мольберту, стоящему в центре комнаты.

На нем находился пергамент с нарисованным лесом. Брюнхильд уставилась на пустую область в центре, где хижину и несколько людей еще оставалось дорисовать.

— Этот лес и все с ним кануло в небытие. Все из-за того человека, пришедшего из Лоу-Гира, и священного меча Грама, который он похитил. Похоже, он воспользовался концептом конструкции мира из меча, дабы разрушить 1-й Гир.

— Как?

— 1-й Гир это плоский мир. То был закрытый мир, где вселенная обладала формой купола, с четкими границами. ...Согласно нашим расчетам, концепт конструкции мира вышел из под контроля, и 1-й Гир непрерывно сжимался, пока не уменьшился до единой точки и не исчез.

Лицо Брюнхильд утратило привычное безразличие. Ее глаза чуть приоткрылись, а на губах появилась легкая улыбка.

— Мы потеряли наш дом и множество жизней. А я утратила всё, что было важно для меня. И всё, что мы получили взамен — это поражение и путь иждивения. ...И ныне Грам запечатан под штаб-квартирами ИАИ, куда нам путь заказан. Но по счастливой случайности, начинается Путь Левиафана. Мы можем попробовать договориться, чтобы вернуть Грам себе. — Она глянула вниз на кота и медленно произнесла. — Шестьдесят лет — долгий срок, разве нет?



Библиотека Кинугасы раскинулась на четыре классных комнаты.

Её ширина составляла два класса. Она занимала столько места, что буквально высывалась из школьного корпуса.

Ее структура походила на внутренний корпус корабля. Центральная часть понижалась ступенями, и каждый уровень содержал пространство с высокими книжными полками и стол для четверых. На самом нижнем уровне находилось широкое пространство не только со столом и стульями, но и с декоративными растениями.

За столом в нижней части библиотеки ныне расположились четыре человека.

Одним из них был Саяма с накинутым на плечи пиджаком от формы.

Рядом с ним сидела Казами в повседневной одежде, а слева от нее находился Изумо, носивший черный спортивный костюм.

Напротив него и слева от Саямы сидела Ооки, одетая в пижаму.

Саяма собирал документы на столе одной рукой.

— На этом все. Исходя из того, что случилось в прошлом году на приеме новых учеников, будет безопаснее разрешить деятельность в коридорах общежитий.

— Однако нам нужно очень четко определить, что двери в комнаты не относятся к «коридорам». Школьный совет прошлого года этого не объявлял, так что инженерный клуб пробивал дыры в дверях общежития, агитируя новых членов.

— Они пылко заявляли, что начнут швырять внутрь динамит, если ты не присоединишься к ним, так ведь? Что случилось с теми, кто тогда присоединился?

— Со следующего дня они месяц строили дамбу в Гунме для новых членов тренировочного лагеря.

— И по возвращению они получили превосходный цивилизованный инженерный клуб, хм? Промывание мозгов — страшная вещь. В этом году нам следует пресечь подобное в зародыше.

— Да, — кивнула Казами, перед тем как повернуться к Изумо. В то же время Саяма повернул взгляд на Ооки.

Глаза Ооки закатились, и ее руки несильно сжались на коленях. Тело женщины слегка покачивалось взад-вперед в дремоте.

Тем временем, спина Изумо стояла прямо, его руки были твердо скрещены на груди, и он смотрел прямо перед собой...продолжая крепко спать.

— Причуды Изумо даровали ему некоторые полезные способности. Эта, должно быть, годится для длинных совещаний.

— Ну, обычно ты и я можем сами решить все вопросы как вице-президент и казначей. Начинаешь задумываться, зачем нам вообще нужен президент. ...Но, меняя тему, что это у тебя на плече, Саяма?

Когда Казами туда глянула, Баку приподнял голову с места, где он спал на плече парня.

— Это животное? — спросила она, протягивая руку.

Баку уставился на нее, прежде чем...

— А, он отвернулся, — разочарованно произнесла она.

Увидев, как Баку снова опустил голову, Саяма повернулся к Казами.

Она опустилась немного в своем кресле и завела руки за голову.

— Не переживай об этом, Казами. Он, должно быть, до сих пор не привык к своему окружению.

— Я хочу его потрогать. Мои родители завели птичку, и потому мне не разрешали иметь кошку или собаку... Ах.

Рот Казами открылся, когда она глянула на Ооки рядом с Саямой.

Слева от Саямы, женщина покачнулась. Прежде чем кто-нибудь успел ее остановить, ее голова врезалась в стол.

Лоб Ооки достиг стола с глухим стуком, и ее голос прорезался.

— Ээ...

— Ой, Саяма. Кажись, она начнет реветь, потому сделай что-нибудь.

— Например?

— Позови ее сладеньким голоском, чтобы успокоить, или стукни еще сильнее, чтобы она потеряла сознание.

— Будет гораздо удивительней, если я смогу проделать обе вещи одновременно.

— Вааааааа!

— Надо же, она реально плачет.

Саяма решил попробовать ее разбудить, но осознал, что не может пользоваться левой рукой.

У него не оставалось выбора, кроме как развернуться к ней и похлопать ее по спине правой.

— Что случилось, Ооки-сенсей?

Продолжая лежать лицом на столе, женщина кашлянула и произнесла:

— В-внезапно... Совсем внезапно раздался стук. О-он напугал меня до чертиков.

— Последнее было необязательно. Вообще, где вы узнали эту фразу? Ну, неважно. Позвольте взглянуть на Ваше лицо.

— 3-зачем? Тебе не терпится увидеть мой плач?

— Нет, шок от удара мог выбить передний зуб, или разбить Вам переносицу. Раз так, Вам срочно необходим превосходный пластический хирург. ...Но не волнуйтесь. У моего знакомого клана якудзы как раз есть один на примете. Даже если ваш мизинец от... кха.

Казами стукнула Саяму, после того как в какой-то момент переместилась к нему.

Он упал со стула и спросил:

— Что за отношение к раненому? Нам определенно попался жестокий казначей школьного совета.

— Заткнись. Ну же, сенсей. С Вашим лицом наверняка все нормально, так что гляньте вверх.

Саяма вздохнул и переместился от сцены успокоения. Он показал взглядом Казами, что она может занять его стул, и устался прямо перед собой. Тем временем, Изумо нагло продолжал спать, так что не осталось никого, кто бы мог с ним поговорить.

Часы показывали ему 10:30 утра. Встречу в городе запланировали на час, так что выходить еще слишком рано, тем более, если он сядет на поезд.

Не зная, чем себя занять, Саяма прохаживался по нижнему этажу рядом со столом. Он остановился у случайной книжной полки.

На ней выстроились тома в твердом переплете, по толщине сравнимые со словарями. Табличка сверху книжной полки гласила «мифология». Серия из 11 книг с черными корешками содержала имя автора, написанное золотыми линиями - Кинугаса Тэнкё. Издателем был Департамент Письменности Изумо.

Прочитав эти два имени, он позвал:

— Казами.

— Чего? Я как раз подошла к самому интересному, так что давай покороче.

— Я про семью этого парня, спящего с открытыми глазами. Ты слышала что-нибудь от него про ИАИ?



— Про ИАИ? Нет. Он говорил, правда, что собирается начать учиться, когда поступит в университет.

— Ясно, — все, что Саяма выдал в ответ.

Однако он ощутил: здесь есть какой-то смысл.

Прошлой ночью он побывал в организации внутри ИАИ, известной как UCAT. Там он узнал о десяти альтернативных мирах. Во время Второй Мировой шла война, известная как Концептуальная Война, и все те миры были уничтожены.

Сегодня утром его посетил странный сон, связанный с башней под названием Бабель.

А теперь он обнаружил книги по мифологии в школе, спонсируемой ИАИ.

— Одиннадцать томов...

Десять альтернативных миров плюс наш составляли одиннадцать.

... Я, наверное, спешу с выводами?

Залившись тихим смехом от собственных мыслей, он услышал голос женщины.

— Тебя заинтересовали эти книжки?

Саяма обернулся и обнаружил Ооки, сидящую с покрасневшим лбом. Казами выдала одобряющий знак позади нее и кивнула, потому Саяма встретился с учительницей взглядом.

— А разве они особенные?

— Да, те книжки написаны основателем школы.

Это очевидно от одного взгляда на книги, но Саяма позволил Ооки продолжить.

Она смахнула слезы с глаз и вытерла рукав пижамы о стол. После чего коротко простонала.

— Я разузнала все о Кинугасе Тэнкё от директора, когда сюда прибыла, — сказала она. — Несмотря на то, что он основатель, он никогда, в общем-то, и не работал в школе. Он сотрудничал с компанией Изумо еще до войны и стал очень хорошо известен в военной области и мифологии. Тебе знакома Первая Высшая Школа?

Казами покачала головой, но Саяма ответил:

— Она стала Токийским Университетом.

— Похоже, он работал там профессором. В своем исследовании японской мифологии, он пересек провинцию Изумо. Вот так он и обрел связи с компанией.

— Надо же, Вы многое об этом знаете. Впервые на моей памяти Вы похожи на настоящего учителя.

— Я могла ожидать такое от испорченного ученика, стоящего напротив, но ты, Казами?

Саяма проигнорировал Ооки и вытащил одну из книг Кинугасы. Он выбрал первый том.

Текст книги был написан горизонтально. Пока парень старался привыкнуть к тому, чтобы держать книгу правой рукой, он заметил, что обложка сильно износилась. Парень неуклюже открыл ее одной рукой. Она начиналась с мировой карты и описывала в деталях Скандинавские легенды, снабжая текст черно-белыми фотографиями и иллюстрациями. Информация об издательстве сообщала, что это первый тираж, напечатанный в 1934-м.

... Она, должно быть, ценная.

Листая ее, он обнаружил обилие иллюстраций и фотографий, но...

— Тут нет изображения самого Кинугасы.

— Согласно словам Зигфрид-сана, он получил ранение во время Русско-Японской Войны. Судя по всему, он не любил после этого фотографироваться.

— Этот старик обо всем знает? Хотя сегодня его нет.

— Старик Зигфрид каждое утро подкармливает цыплят за общежитием и прочих птиц в округе. Он открыл нам сегодня библиотеку, перед тем как уйти. Если тебе что-то нужно узнать, почему бы не спросить у него? — предложила Казами.

Издав зевок, Изумо заговорил:

— ИАИ прислала его сюда, так что он, скорее всего, многое знает. Заведующий этим местом умер десять лет назад, потому он согласился хозяйствовать тут и выискивать любую информацию, что потребуется компании.— Изумо потянулся. — На какой мы сейчас теме, Казами? Что-то там про клуб стрельбы из лука, желающий попрактиковаться на живых целях,

дабы набрать новых членов?

— Это было семь тем назад. Мы как раз обсуждали, как разбираться со спящими балбесами.

Как только Казами усмехнулась и подняла кулаки, Ооки от нее отодвинулась.

Женщина переместилась к Саяме, приглушённо шагая в комнатных тапочках.

Она остановилась рядом с ним в своей пижаме.

Ооки не обращала внимания на повторяющиеся звуки ударов по телу за спиной и взглянула на книгу в руках парня.

— Не часто ты проявляешь к чему-то интерес, Саяма-кун. Мне кажется, это хороший знак,— она разок зевнула и прикрыла рот рукой. — Ты нашел ответ на вчерашний вопрос?

— Какой именно?

— Появится ли то, за что ты возьмешься всерьёз... уваааа.

— Разве на такие вопросы обязательно зевать?

— Ой, прости, прости. Но если уж доходит до дела, я могу быть суровой. Мой девиз — будь серьёзной, но и беззаботной, чтобы не выкипеть до конца. Но можешь ли ты запомнить одну вещь?

— ?

Ооки пересчитала пальчиком книги, на которые смотрел Саяма. Затем провела им перед лицом Саямы и остановилась на десятом томе.

— Если ты найдешь что-то или кого-то, за что ты сможешь взяться всерьёз, убедись в том, что ты не разрушишь и не побоишься ни того, и ни другого. И...— она зевнула и протерла глаза, — Когда те, кто редко действуют всерьёз, наконец-то становятся серьёзными, они способны высвободить огромную силу. Задумываться над тем, что ты не можешь стать серьёзным, подразумевает то, что ты постоянно думаешь, как стать серьёзным. — Она перевела дыхание. — Так что ты сможешь. Я гарантирую это.

— Ооки-сенсей, я все понимаю... Но последний комментарий был необязателен.

— Уууууу, — застонала Ооки, когда Саяма глянул на часы. Почти одиннадцать.

... Если я сяду на поезд, что останавливается на каждой станции и подхвачу обед в городе, то смогу убить достаточно времени.

Саяма кивнул и решил удалиться.

Если он доберется до Императорского Дворца, то встретит Ооширо и, возможно, даже Синдзё.

Размышляя о USAT и о ней, Саяма неожиданно вспомнил, что Ооки сейчас сказала.

...Стать серьёзным, хм?

Он решил, что пора выдвигаться.

Ооки глядела на него с удивленным видом. Казами лупила Изумо.

Саяма обратился к девушке.

— Казами, я, пожалуй, пойду. Ты не против?

— Умри, умри, умри!... Да, можешь идти. ... Нет, не ты!

— Что из этого предназначалось мне?..

С горькой улыбкой Саяма заметил через окно между книжных полок, что на улице солнечно.

Он все еще слышал сильные удары и все еще видел жесткий взгляд на лице Ооки, но снаружи стоял изумительный весенний день.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274106>